

Медиабизнесная газ. — 1993. — 13 окт. — с. 7.

«ЧТОБЫ ПОМНИЛИ»

Начинается авторский цикл Леонида Филатова

Андрей Шемякин

Рецензия

НАКОНЕЦ-ТО после долгих проволочек и переносов вышла в эфир первая передача из авторского цикла Леонида Филатова — об Инне Иосифовне Гулая. Подготовлены главы «Леонид» — о Леониде Харитонове и «Ольга» — об Ольге Бган. Бог даст — увидим.

...На экране — людской поток. Потом — лица. И в ответ на вопрос, знают ли прохожие (преимущественно молодые) актеров с открыток, недоуменные реплики: «нет», «не знаю», «не помню». Потом мы увидим поляну, и на ней фотографии народных любимцев, ушедших сравнительно недавно — Буркова, Миронова, — и множество других лиц. Леонид Филатов говорит о нашем беспомоществе, о мгновенном обвале, когда «еще вчера» этих людей звали по именам, а сегодня — эх, да что толковать! Ну вот и давайте вернемся к личностям, вопреки российскому глобализму.

Все верно, за лесом не видно деревьев, но здесь-то и завязывается узел, интересующей нас в данном случае драмы. Только ли в извечном конфликте таланта и «среды» (власти, публики, непосредственных работодателей) дело? Нет ли в каждой эпохе своих, присущих только ей, специфических актерских трагедий?

Если теперь действительно вспомнить лица тех, кто когда-то определял время, а потом был жесточайшим образом из него выброшен, и, кстати, задолго до нынешней «культурной революции», выяснится любопытная вещь: за эпохой, как в 1917-м, очередной раз «опустился железный занавес». Люди унесли с собой и тайну оттепели, и ее трагедию — утрату легкого дыхания. А оно было — смотрите главу первую филатовской передачи.

Тут нет никаких аллегорий — конкретная судьба, круг друзей, фильмы. Но ведущий так строит повествование, что вы начинаете физически чувствовать, как из прекрасной женщины и блестящей актрисы уходит жизнь. Капля за каплей. Будто она расплыва-

ется за счастье, дарованное ей в начале актерской судьбы.

Филатов и здесь пошел против течения. Много лет охочая до сплетен общественность знала правду, лишь одной стороны — правду друзей мужа Инны, Геннадия Шпаликова, которые не могли ей простить его самоубийства и во всем винили только ее. Теперь была опасность не то чтобы «крена» в противоположную сторону, но простой бестактности, взгляда в замочную скважину. И Александр Адабашьян, и Сергей Соловьев нашли точные слова, взяв под защиту тех, кого уже нет. Обоих. А режиссер, оператор и редактор, полноправные (в данном случае) соавторы ведущего, сумели так смонтировать фрагменты фильмов, фотографии и монологи, что вновь появилось ощущение счастья, кажущееся гневным «во-смысленным» спланным обманом.

И одновременно, сравнивая «Тучи над Борском» — первую роль Гулая — с «Долгой счастливой жизнью» и особенно — «Пристанью на том берегу», забытой телевизионной лентой Соломона Шустера, видишь, как гасла улыбка, становились заметными горькие складки у губ, а в глазах появлялось выражение затравленности. И нарастает тема без вины виноватых, и в трогательных комментариях Юрия Никулина, снявшегося с Инной Иосифовной в картине Льва Кулиджанова «Когда деревья были большими», и особенно в рассказе матери актрисы.

Сказка кончилась, началась «диалектика реальности» — так говорили «шестидесятники» об умирании эпохи. А сказка-то была создана ими — в ответ на жестокость и тупость советского мира. Теперь она используется в качестве обвинительного заключения.

Филатов не спорит с антимифом о 60-х, хоть и знает о нем, естественно. Он обращается к фактам. Пытается сделать так, чтобы время заговорило своим собственным языком, через изображение, имевшее в виду ту, сталинскую жестокость и беспощадность, и противопоставившее им просто жизнь. На которую, как выяснилось, поколение не имело права — ни тогда, ни теперь, ибо не доборолось к коммунизму.

Когда говорят о нелюбви «шестидесятников» к «отдельному че-

ловеку», это, в общем, верно. Они любили мечту о нем. Они восславили личность, уничтожая вокруг нее среду обитания. Но взамен они создали другую среду — эстетическую, и в ней можно было жить. Это во-первых. А во-вторых, они точно так же поступали с собственными судьбами, как и с чужими. Это не было самоубийством (за редкими и известными исключениями). Их убивало отсутствие воздуха, и чем обыденней выглядела трагедия, тем яснее вырисовывался характер новой эпохи, и не брежневской, а сегодняшней.

Возвращаясь к изначальной тезису Филатова, замечу: материал передачи расходится с посылкой ведущего. Да, в России всегда не считали таланты. Да, помнить необходимо. Да, некогда любимые артисты нуждаются в защите от беспринципного хамства, с каким сейчас судят об оттепели. Но только ли в нем дело? Не выразила ли сама историческая амнезия некоего фундаментального свойства российской ментальности, о чем незабвенный Веничка сказал — «им все Божья роса»? Как будто ничего не случилось. И не случится.

Попробуем взглянуть в лица, показанные вначале, — трагические лица актеров в чистом поле. Это ведь не просто народные любимцы. Они были выбраны из толпы, выделены временем, и зрители узнали своих. Их мастерство сочеталось с безыскусностью, наивом. Так птицы поют. А птиц обычно не помнят. Зато им благодарны, пока они есть. Многие ли могут похвастать подобным счастьем — быть признанными и любимыми при жизни?

P.S. Телевидение нынче берет на себя миссию историка, деифологизирующего время, — очередной парадокс отечественных масс медиа. Судя по недавнему интервью Леониду Парфенову в «НП» № 213) это не случайно. Дай-то Бог.

P.P.S. Осталось с благодарностью перечислить тех, кто помогал Леониду Филатову делать передачу. Это телевизионный режиссер Ольга Медынская, оператор Владимир Титов, редактор Людмила Гордиенко. Отдельное спасибо от историков кино, работающих ныне над книгой «Кинематограф оттепели» в НИИ киноискусства. Надеюсь, не последнее.